

ИСПЫТАНИЕ КОНТЕКСТОМ

* * *

Опускается снег, отрастают трава и корни,
и течет вода – ниже плитуса, глубже пола,
ближе к центру Земли. А снаружи, себя не помня,
остаются лишь ум, честь и совесть, семья и школа.

Расступаются стены, сколько о них ни бойся,
и приходит время, сколько его ни бойся.
И росток пробивается прямо на старом шершавом срезе,
раздвигая твои годовые кольца.

Ребра лопаются от нежности этой ночью.
Чешуя соскальзывает, как живая.
И трещит удивленный податливый позвоночник,
напоследок изгиб теряемый вспоминая.

* * *

Тупым ножом, по локоть в спелой рыбе,
я вспарываю чью-то темноту –
и дышит ночь, как кожа на ушибе.
Пока зрачок всплывает на свету

зеленым, фиолетовым и черным –
ты заново идешь до той реки
в сухом песке и воздухе толченом,
о камни разбивая плавники.

Как раковин ушных соленый улей,
шумит земля, не достигая дна.
Все твари високосного июля
плывут на зной раскрытого окна.

Их чешуей облеплены колени,
ладони, локти, золото волос.
Рябит повсюду от перечислений –
а преступленье только началось.

Ложись и спи. Их вынесет теченьем
в заоблачную родину, когда
над городом до самых птиц вечерних
поднимется последняя вода.

* * *

Улетевший шарик, неба холодный цинк,
наступление армии станет театром кукол,
в парке нет никого, опустевший усталый цирк
видит сны и с трудом поворачивает свой купол.
Боже, ты же простишь, если что-нибудь я и забыл,
если что перепутал,
мимо клена, грача, всех чудес, что ты сотворил,
я иду, не касаясь рукой перил.

Так дойдет до края земли, где мы
в эти листья сухие шуршащие рядом ляжем,
и услышим стрелки тяжелый скрип, и приход зимы,
ультразвук незримого хора, холод, восторг, и даже
как еще раз вздрогнет – и остановится карусель,
повисая над всем пейзажем.
Так всегда: отражаешься – как берешь взаймы.
Боже, ведь ты же меня узнаешь,
ты же помнишь, что я уже насовсем.
Так всегда: падаешь – и взлетаешь.

* * *

Свет отражается в линзе, в осколке, в капле,
рвется на части, как клочья горячей пакли,
и закипает, как жаркий пчелиный рой.
Потом оплывает солнце за косогором,
цедит из ложки, сладким течет кагором,
бурым, кровавым, закатом, густой смолой.

Что за река? Тяжелая и ночная,
лодку пустую волною тугой качая,
черная, огненная, ледяная, немая ртуть,
висмут расплавленный, адский ядерный вермут,
вязкое олово, зарево, будешь первым,
заживо не уснуть.

Жаром, желтком полуденным, рыбьим жиром
где-то еще разливается жизнь по жилам,
жаждой, надеждой, пожаром, тоской, женой.
Радужной нефтью, праздничным самогоном,
камфарой, йодом, разбавленным ацетоном,
мертвой водой, водою, водой живой.

* * *

И тяжелыми станут слова, как монеты в горсти,
чтоб суметь донести – не рассыпать, не произнести,
так и будешь стоять, как в колодце вода, и за это
перевернутой лупой в зрачке расплывается дом,
продолженье деревьев глотая отмытым окном,
рассыпая по кронам пригоршни пятнистого света,
отражая изнанкой их ржавчину, яшму и хну,
и на мокром асфальте – сверкнувшего неба блесну,

на которую ловятся голубь, кузнечик и рыба;
вавилон зазеркалий и темных дверей алфавит,
где беззвучно горит арамейский, иврит и санскрит,
где не помнишь, ни кто отвечает, ни кто говорит,
где не выдержат свой перевод ни любовь, ни спасибо.

* * *

Припоминанье свяжется не вдруг -
как прорастает косточка живая,
как медленная ртуть ползет на юг
и через пояс – стрелка часовая.

Сотри окно и дерево включи.
И их соотнесение прямое
далекой точкой движется в ночи,
как самолет над Средиземным морем.

* * *

Покури не спеша. Заточи поострей карандаш
и прицелься к строке. Это будет последняя правка,
потому что страница давно переходит в пейзаж,
и сквозь буквы уже пробивается рыхлая травка.

Эти знаки ничем не содрать, и, уже позабыт,
так и будешь носить, зализав на себе, как собака,
этих шрамов, прививок и ссадин чужой алфавит,
водяные картинки весны, боди-арт Зодиака.

А когда потеплеет, то моря ленивый язык
и шершавого неба соленое влажное веко,
и притихшее облако – там, где уже и без них
растворяется текст, увлекая с собой человека, –

повстречаются снова, усыпав канавы и рвы
многоточием звезд, становясь все светлей и бездонней,
расправляя на склонах примятые стебли травы
и тропинки несбывшихся линий стирая с ладоней.

* * *

Снилось под утро, как все замедляет снег.
Как рассветает, как возникает имя.
Как закрывает дверь за собой Олег,
как засыпает, уткнувшись в подушку, Лиля.

Я не успела, но если она еще
приснится тебе, чтобы там проснуться, –
ты в этом сне возьми ее за плечо,
попроси ее обернуться.

Сон – он не твой, и названья ему не дашь.
И бывает у тех, кто со спины приснится,

вместо лица – страница, или пейзаж,
и там в траве порхают одни ресницы,

или струится зеркало, как вода,
водоросли волос приводя в движенье,
переливаясь на солнце, но никогда
не бывает в нем отраженья.

Мысль о прощании нашем приснилась мне.
Медленно ночь с ее темнотой срасталась.
Душно в комнате было, и на стене
картина, как форточка, открывалась,

сны прорастали сквозь будущее, и в тепле
ночь лепестки им пальцами раскрывала.
Чиркало время о память, на фитиле
вместо пламени бабочка расцветала,

рядом тень разрасталась, а чуть правей –
тень другая, тому же изгибу вторя.
Но светлее – когда открывалась дверь.
Открывалась дверь – а за дверью море.

БЕРЕГ

Склон холма, очертанья кровель,
тропка вниз, и внизу – полоса песка,
край земли, ее влажный профиль,
прядь волос у ее виска.

Так лежит она, горький глаз навсегда запрятав
глубже дна, глубже памяти – помнишь, где
взявшись за руки, мы стояли лицом к закату,
по колено во времени, как в воде.

Посмотри – все дробится в его узоре,
и на самой границе небес и вод
обнажается детский затылок моря,
закругляется горизонт.

Так лежат миры, незаметно друг друга глядя, –
небо, суша, вода, закат, –
голова к голове, каждый в сны свои молча глядя,
словно звери спят.

* * *

Дни, исхоженные пешком; и легкая голова
говорит спасибо, о чем ее ни спросите.
В пятки уходят мысли, а их слова
вообще спят в асфальте. Папоротники в антраците,

плауны, плавники, перепонки, пальцы. Еще вчера
было все на латыни и лишь иногда – по-русски.
Амфоры слуха, извилины, веера,
оркестровые раковины, приплюснутые моллюски.

Граммофоны петуний, лилии, глас трубы.
Флейты, стебельки, простейшие, просто черви.
Иногда асфальт становится на дыбы,
корни и грибы растут из него. Тротуар вечерний

на глазах растекается и уходит вниз –
море подступает, воздух когтями роя,
и лишь позвонки легкокрылых птиц
остаются в пене его прибоя.

* * *

Вымерзают глубины до дна.
Сводит горло. Ломается волос.
Непривычно звучит тишина –
одиноким сорванный голос.

Снег спускается наискосок,
оседает на стены и спины.
Как во время жестокой ангины,
оглушителен каждый глоток,

каждый звук уже стоит труда,
отдается во многие годы...
Обездвижены выси и воды,
вымерзают глубины до дна.

* * *

Слова приходят каждому свои.
Поэты, узнавая эту новость,
уходят в вечность с парковой скамьи,
почти как космонавты в невесомость.

И вся архитектура этих мест
уже не вызывает интереса
у добровольцев, вышедших в подтекст,
у жертв литературного процесса.

Никто не приготовил постамент
участникам скульптурной группы риска,
и под кустом, где отливал поэт,
никто ему не ставит обелиска.

Среди орбит, завязанных узлом,
поэт, пока ему не помешали,
печально машет гипсовым веслом,
как девочка, забытая на шаре.

Звезда стучит ему по голове,
а снизу огородник землю роет,
и завтрак возле речки на траве —
почти инцест на родине героя.

Умыт, разбужен и на все готов,
предупрежден, что никуда не деться, —
он состоит из позабытых слов,
стерпевших испытание контекстом.

И тишина. Незнамо почему,
поет синичка. Он один в палате.
И слава начисляется ему
в процентном отношении к расплате.

P.S.

*Нам всем дано в общественных местах
презреть весны и лета скоротечность.*

*Поэты, вместе бывшие в кустах,
по одному уже не ходят в вечность.*